

Касимов

На том месте, где стоит ныне Касимов, люди жили еще в каменном веке. Об этом свидетельствуют найденные в городской черте каменные наконечники стрел и каменные топоры. Впоследствии обитатели здесь финно-угорские племена, давшие начало народностям мещеры и мордвы, а с первого тысячелетия нашей эры стали расселяться славяне (вятичи и кривичи).

Согласно древним преданиям, около 1152 года, во время энергичного и предприимчивого князя Юрия Долгорукого в непроходимых лесах на берегу реки Оки при впадении в нее реки Бабенки начали возводить сторожевую крепость, называвшуюся Городцом Мещерским. Издревле обжитое место превращалось в порубежный опорный пункт с высокими насыпными валами и глубокими рвами. Стучали в Городце топоры, росли деревянные стены, боевые и дозорные башни, безвестный зодчий озабоченно торопил усталых мастеров... И вряд ли они загадывали тогда, что заложенный ими в мещерской глухомани городок в будущем перешагнет рубеж второго тысячелетия.

Городцу не раз, как и многим русским поселениям сурового средневековья, приходилось воскресать из небытия. К концу XIV века он был уничтожен до основания пожарами и татарскими набегами. Но жители не собирались покидать освоенные благодатные места. Чуть подалее на Оке они вновь поставили крепость, именовавшуюся теперь Новый Низовой Городец. Вместе с русскими проживали в ней и мещеряки, и мордва. Они дружили, роднились, перемешивая бытовые обряды и обычаи. В середине XV века в жизни Городца произошла неожиданная и весьма значительная перемена. Летописи повествуют, как в разгар войны за московский престол Василия 2 и Дмитрия Шемяки шурина Василия, князь серпуховский, шел на подмогу родичу с большими военными силами и вдруг у Ельни столкнулся с невестой от куда взявшимся отрядом татар. Приученные к неожиданным татарским набегам, русские изготовились к обороне и начали перестрелку. Однако к их удивлению, татары отбивались вяло, не проявляя никакого желания вступить в битву. Тогда началось выяснение отношений. "Вы кто есть?" – кричали татары русским. "А вы кто есть?" в свою очередь откликались русские. Татары отвечали, что ведут их казанские царевичи Касим и Якуб, решившие помочь Василию. Оба отряда, соединившись, отправились дальше вместе. В реальности же Касим и Якуб сами искали помощи и покровительства у русского князя. Их отец - казанский правитель Улу – Мухамед, и их младший брат были убиты старшим братом Махмутеком, стремившемся к власти. И царевичи, опасаясь за свою жизнь, бежали вместе со свитой и родственниками на Русь. Василий II, ставший великим московским князем, пожаловал Касиму за верную службу Низовой городец. Так по княжескому указу возникший среди лесов и болот русский городок стал удельным татарским ханством, получив название Касимова. Рядом с острогом, внутри которого жались друг к другу деревянные избенки и церквушки, на холме, прозванном Татарской горой, появились сооружения из массивных известняковых плит: ханский дворец, мечеть с минаретом, потом начали возводиться и каменные мавзолеи-такие, памятники скончавшимся ханам и их родне. Необычная жизнь шла в Касимове: на городском торгу вперемешку слышалась разноязыкая речь, в толпе мелькали русские кафтаны и татарские рубахи. Спозаранку одна часть горожан под колокольный благовест спешила в церковь; другая, вслушиваясь в голос муллы, взывающий с минарета, шествовала в мечеть. А многие из мордвы и мещеры продолжали исповедовать древние языческие культы. Молились разным богам, но жили мирно, исподволь принимая у друг друга кулинарные рецепты, секреты ремесленного мастерства, особенности национальных узоров, украшавшие одежду, бытовые предметы и ювелирные изделия. Недаром местный поэт Е. Маркин писал о Касимове:

Он – вежа в летописи! Ибо
Прославил Русь не тем, что стар:
Он первый памятник не игу,
А братству русских и татар!

Страницы многовекового пути Касимова, – словно богатый разноцветный ковер, в рисунок которого вплетались отголоски исторической жизни самых разных народов. Писатель И. И. Лажечников в романе "Басурман" поведал о судьбе "Немчина Антона", который в 1483 году приехал на Русь и стал придворным врачом у великого московского князя Ивана III. По летописным источникам, русский правитель весьма жаловал иноземного лекаря и оказывал ему всяческие милости. Но еще более он ценил услуги сына Касима хана Данияра и его сподвижников. Они отличились в борьбе с непокорными новгородцами, пытавшимися противостоять власти Ивана. Узнав, что один из приближенных Данияра Кара-Ходжа тяжело заболел, Иван заботливо отправил к нему своего искусного лекаря. На беду все старания Антона оказались напрасными. Больной скончался. Среди татар распространились слухи, преданные летописью, будто "Немчин" нарочно уморил Кара-ходжу за то, что тот с насмешками относился к европейским традициям медицины. Разгневанный Иван выдал голову Антона, сыну умершего. Тот долго мучил незадачливого врача, но все же решил отпустить его за приличный выкуп. Однако суровый московский властитель требовал отпущения за смерть преданного ему татарского воина. Антона вывели на лед Москвы-реки и принародно казнили под мостом.

В XVI веке касимовские татары сыграли не малую роль в покорении Казанского царства. Казань на протяжении многих лет вела сложную политику дипломатического лавирования, то вместе с крымскими ханами устраивая разорительные набеги на Русь, то демонстрируя склонность к союзу с Москвой. Когда Иван Грозный, решив покончить с угрозой, исходившей от Казани, стал готовиться к военным действиям, устрешенные казанцы предложили очередной компромисс. Они обещали принять в качестве правителя ставленника царя Ивана, касимовского хана Шах-Али, с условием, что тот женится на их овдовевшей царице Сумбеке (Сююн – Бике). Но это не входило в планы волевой и энергичной царицы, стремившейся сохранить престол для своего маленького сына Утемеш – Гирея, уже провозглашенным казанским царем. Кроме того, у нее были веские основания встречи со своим "нареченным". В 1535 году Сумбека, дочь ногайского мурзы Юсуфа, была выдана за муж за младшего брата Шах-Али, Джан-Али, который по договору с кавказцами правил в их городе. Через несколько месяцев придворные убили ночью Джан-Али в его спальне. А казанский престол занял крымский хан Сафа-Гирей. Как полагают ученые, все это произошло не без ведома и деятельного участия Сумбеки, ставшей любимой супругой Сафа-Гирея, а после его смерти оказавшейся полновластной правительницей Казани. За редкую красоту современники называли ее "красносолнечной". По преданию, запечатленному в памятнике XVI века "Казанской истории", царица, вопреки решению казанских вельмож, посватавших ее за Шах-Али, все попытались тайком избавиться от нежеланного жениха. Во время приготовлений к свадебным торжествам она по обычаю отправила Шах-Али подарки: собственноручно сделанное кушанье и расшитую шелками одежду. Но касимовский хан, искушенный в азиатских хитростях, был на чеку: угощение царицы сначала предложил собаке, а расшитую одежду велел надеть на приготовленного к смерти раба. Собака и раб тут же погибли в мучениях на глазах своего господина; и еда; и одежда оказались пропитанными сильнодействующим ядом. По требованию Ивана Грозного казанцы выдали строптивую царицу русским воеводам. Стремясь избежать позора, она попыталась покончить с собой, "но не смогла, ибо крепко берег ее блюститель". Сумбеку отправили в Москву в специально приготовленном для нее струге: "Посередине струга было сделано помещение для царицы – стеклянный теремок, светлый, как фонарь, покрытый золочеными досками, в котором, как свеча, сидела царица, видя во все стороны". Но вероятно, изысканный стеклянный теремок, светлый, как фонарь, покрытый золочеными досками, в котором, как свеча, сидела царица, видя во все стороны". Но вероятно, изысканный стеклянный теремок предназначался вовсе не для удобства путешествия пленницы, а для того, что бы все по пути ее следования могли увидеть столь значительную добычу московского правителя. Горько рыдала Сумбека, прощаясь со своим царством: "И положили ее в теремке на царскую ее постель, словно больную или пьяную, упившуюся, как вином, беспробудною печалью..."

Но и Шах-Али не сумел утвердиться в Казани. Трижды, словно дразня касимовского хана, судьба предоставляла ему заветный престол его предков. Впервые, благодаря действиям промосковной группировки, Шах-Али был объявлен казанским царем в 1519 году, когда ему едва исполнилось 14 лет. Но в 1521 году в результате дворцового переворота он был,

свергнут, и вернулся назад. Московский князь Василий III обласкал натерпевшегося страха и унижений юношу, окружив его подчеркнутым вниманием. Посланник австрийского императора С. Герберштейн, прибывший в Москву, сразу отметил то особое положение, которое занимал в придворной иерархии Шах-Али. Князь называл его "братом"; на охотах и пирах он неизменно находился рядом с Василием, "с правого боку", что согласно придворному этикету означало высшую степень почета. Но шло время, касимовский хан возмужал, и Василий, раздосадованный тем, что Шах-Али начал проявлять излишнюю самостоятельность в политике, в 1533 году сослал его в заточение на Белоозеро. Возможно, там, на чужой северной земле и пришлось бы узнику окончить свои дни, если бы он не потребовался новой советской власти для очередных политических расчетов. В 1546 и 1551 годах Шах-Али вновь пытался стать казанским правителем, но продержался на престоле лишь несколько месяцев, едва не поплатился за это головой.

После того, как в 1552 году Грозный взял штурмом и подчинил себе мятежную Казань, решилась и судьба Сумбеки. Она жила в Москве, упорно отказываясь принять христианство и надеясь на помощь отца Юсуфа, который вел с царем переговоры, прося вернуть ему дочь и внука. Однако царь, не желая лишаться такого ценного "трофея", а тем более в будущем давать повод для оспаривания казанского престола, с мстительным злорадством приказал Шах-Али Сумбеку в жены. Хан увез ее в Касимов, но, по рассказу "Казанской истории", "не любил он ее, не смотря на ее красоту, (...) и жила она у него, запертая в отдельной и не светлой комнате, словно в темнице, и не сходилась он с нею спать..." Ее сына царь оставил при дворе, окрестил, дав ему, имя Александр, и велел обучить русскому языку и обычаям. Царевич, выросший сиротой среди чужих ему людей, умер, едва достигнув 17 лет. Успела ли Сумбека оплакать своего сына, долго ли прожила она сама в негостеприимном касимовском дворце и где была похоронена, - все это до сих пор остается неразрешимой исторической загадкой. В. В. Вельяминов – Зернов, в XIX веке изучавший плохо сохранившиеся остатки надгробий в мавзолее Шах-Али, пришел к выводу, что там были захоронены сам Шах-Али, его любимая жена Булак-Шад и еще шесть его родичей. Девятая же плитка оказалась безымянной. Она-то и дала повод для местных легенд, будто хан, похоронив не выдержавшую домашнего заточения Сумбеку, не велел писать на надгробии ее имя, что бы оно стерлось из памяти потомков и никто не нашел бы ее следов. Но мог ли Шах-Али предоставить место в своей усыпальнице для той, которую он отверг еще при жизни и содержал лишь как пленницу, но не как жену?

А один из касимовских ханов Саин-Булат, окрещенный под именем Симеона Бекбулатовича, в 1575 году, по прихоти Ивана Грозного стал государем всея Руси. Сам царь покинул кремль, приезжал во дворец на равне с боярами в обычных санях, скромно садился на дальнее место, слал униженные челобитные: "Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом, челом бьют (...) окажи милость, государь, пожалуй нас!" Однако царь Симеон, панически боявшийся своего гневливого и непредсказуемого подданного Иванца Васильева, не сумел и шагу ступить без его санкции. Эта политическая игра в "ряженных", устроенная Грозным, что бы мобилизовать силы для борьбы с боярской оппозицией, длилась всего одиннадцать месяцев. Затем Иван запросто "отставил" царя Симеона (возможно, к немалому облегчению последнего).

В смутное время Касимов оказался в активной оппозиции по отношению к правительству Василия Шуйского, не имевшего популярности в народных массах. Город стал одним из сборных пунктов ратников, поддержавших восстание И. Болотникова. В документах XVII века рассказывается, как правительственные войска под предводительством боярина Ф. И. Шереметева отправились карательным походом под Муром, "а из Мурома пои-де под Касимов и Касимов осади, и в Касимове сидя-ху крепко: не похоте града Василию сдать". Шереметев штурмом взял непокорный город, учинив жестокую расправу над его защитниками. После поражения Болотникова касимовский царь Ураз-Мухаммед со своими воинами примкнул к Лжедмитрию II. Но вскоре понял, что тот служит интересам поляков, и пытался устроить против него заговор. Немец – наемник Конрад Буссов, так же находившийся в стане Лжедмитрия, свидетельствовал, что Ураз-Мухаммеда предал собственный сын. Лжедмитрий пригласил Ураза на охоту и тайком убил его, приказав тело бросить в реку. В лагере было объявлено, что касимовский хан сбежал. Но приближенные Ураза вскоре дознались до истины и затаили жажду мщения. В декабре 1611 года Лжедмитрий отправился на прогулку за город; сопровождающий его ногайский князь Петр Урусов, по рассказу Буссова, неожиданно "выстрелил в сидевшего в санях Дмитрия, да еще,

выхватив саблю, снес ему голову". Неизвестно, как бы повернулась русская история, если бы не внезапная гибель этого предприимчивого авантюриста.

На окраине Касимова сохранился еще один мавзолей-такие. Арабская надпись над входом гласит, что здесь погребен Авган-Мухаммед-Султан, скончавшийся в 1648 году и "над ним возвела это здание супруга его Алтын-Ханым...". В 1621 году в далекой Хиве развернулась жестокая борьба за власть между Араб-Мухаммед-ханом, правившим уже 18 лет, и его возмужавшими сыновьями Хабашем и Ильбарсом. Старейший правитель потерпел поражение и попал в плен вместе с двумя младшими сыновьями. Через год Ильбарс приказал умертвить отца и одного из братьев. Но он хотел, что бы и Хабаш разделил с ним ответственность за это кровавое преступление. Ильбарс отослал к брату 11-летнего Авган-Султана, так же обреченного на смерть. Однако Хабаш пожалел мальчика. В это время в Хиве находилось московское посольство, и Хабаш, надеясь на добросердечие русских, тайно передал Авгана послу. Тот с риском вывез его в Россию. Юный царь Михаил Романов, сам в недавнем прошлом чуть не ставший жертвой придворных интриг, проявил к неожиданному хивинскому "подарку" заботливое участие. Он распорядился дать Авгану подходящее образование и назначил ему удел в Касимове. Авган старался верно, служить интересам своей новой родины, а царю Михаилу время от времени преподносил в подарок то богато украшенную саблю, то боевые луки, то военные доспехи. Старый посад в Касимове, где был похоронен Авган, в то время населяли по преимуществу русские жители. И строители усыпальницы Афгана использовали традиционные элементы русского зодчества, что сказалось в обрамлении окон и дверного проема, в применении декора из цветных изразцов.

Касимовское ханство находилось в политической зависимости от Москвы, и по тому его правители назначались по воле русского царя. Кто только не поселялся в сумрачных покоях касимовского ханского дворца: и представители местной знаменитости, и беглые крымские и астраханские царевичи, спасавшиеся на Руси от домашних кровопролитных "разборок" или попросту искавшие лучшей доли, и потомки сибирского хана Кучума. В 1582 году, когда Ермак занял столицу Кучума город Кашлык, в плен попал племянник хана царевич Магметкул. Сначала он жил почетным пленником в Москве, но последним пристанищем для него стал Касимов. В XIX веке на кладбище Старого посада было обнаружено его надгробие. В 1600 году властителем Сибири объявил себя сын Кучума Алей, но в скором времени он оказался в плену вместе со своим сыном Арсланом. А в 1614 году по указу царя Михаила Романова Арслан Алеевич был поставлен очередным касимовским ханом. После его смерти власть наследовал его малолетний сын Сеид-Бурган при регентстве матери Фатимы-Султан-Сеитовны.

Сеид-Бургана Москва держала под строгим надзором. В 1661 году царь Алексей Михайлович послал наказ воеводе И. П. Литвинову "Беречь и разведывать того, чтобы касимовскому царевичу и к людям его из которых басурманских государств или от Ногайских людей и от Черемисы о каких делах присылки али совета (...) не было, и не скрали бы его никто". Характерно, что Сеид-Бурган носил уже титул не "царя касимовского", а лишь "царевича". Когда к берегу городка причалили корабли, на которых плыли немецкие послы, Сеид-Бурган не посмел даже пригласить их в свой дворец, извиняясь, что это "вызвало бы неудовольствие воеводы". Но, стремясь все-таки исполнить обычаи гостеприимства, он прислал на берег подарки: двух овец, бочонок пива, меду, кислого молока, сливок, масла и прочие припасы. Причем слуги благовейно сообщили, что масло собственноручно сбила для гостей ханша Фатима-Сеитовна. Участник посольства А. Олеарий слышал, будто царские придворные уверяли Сеид-Бургана, "Что если бы он принял русскую религию и дал себя окрестить, то великий князь (Михаил Романов – И.Г.) не отказал бы ему в выдаче своей дочери за него. Он, однако, будто бы ответил, что теперь он еще слишком молод (ему было всего 12 лет), но когда он придет в лучший возраст и разум, то он готов дать ответ". В последствии царевич крестился под именем Василия Арслановича. По слухам, царь Алексей Михайлович обещал ему руку своей сестры Ирины (уже побывавшей неудачной невестой датского королевича), но этот брак не состоялся. Однако Василий взял в жены русскую – дочь боярина Н. Ю. Плещеева Марию Никифоровну. Одну из своих дочерей Евдокию они выдали замуж за брата царицы Натальи Кирилловны, боярина Мартемьяна Нарышкина. Другую – Домну – за князя Ю.Я. Хилкова. Крестившись и породнившись с русской знатью, Василий получил более доверия у царского двора, а вместе с тем более самостоятельности. По крайней мере, теперь ему не возбранялось принимать у себя чужеземных гостей. В мае 1669 года по вешней воде вели из села Дединова в Волгу только что построенный первый русский большой корабль "Орел". Когда бросили якорь в

Касимове, капитан и часть команды (все набранные из иноземцев) отправились представляться в ханский дворец. И хотя сам Василий накануне отбыл в Москву, приезжих встретили с радушным гостеприимством. Парусный мастер голландец Я. Стрейс писал в своих записках: "Дворецкий принял нас очень приветливо, пригласил к столу, за которым подавали вареную и жареную рыбу, и пили мед и водку". Из шестерых сыновей Василия только четверо пережили отца, но они не могли возглавить касимовских татар, так как изначально являлись христианами. По этому после смерти Василия считалась его мать Фатима-Султан-Сеитовна. Когда она скончалась в 1681 году, по городу поползли слухи, будто ханша была задушена ночью собственными придворными, прознавшими якобы о ее намерении тайно принять православие. Касимов же перешел под казенное управление.

* * *

В XIX веке писатель В. С. Соловьев создал роман "Касимовская невеста", приоткрыв завесу над одной из давних дворцовых тайн, о которой упорно молчали официальные источники и скупо упоминали записки современников. В 1647 году 18-летний царь Алексей Михайлович задумал жениться. На смотрины в Москву собрали 200 самых красивых девушек, из которых царю представили 6. Вопреки усиленным стараниям царедворцев скорректировать решение юного государя, его избранницей неожиданно для всех оказалась Афимья (Евфимия) Всеволожская. Ее отец Федор (или Раф, как его чаще называли) согласно "Боярским книгам" в 1640 году числился дворянином московским. Около 1642 года его назначили воеводой в Касимове на смену И. В. Вышеславцеву, занимавшему эту должность в 1641 году. Известны тексты двух царских грамот (января 1642 и апреля 1643 года), начинавшиеся стандартной формулой: "В Касимов воеводе нашему Рафу Родионовичу Всеволоцкому..." Афимью на время предсвадебных хлопот поместили в покоях царевен, что бы приготовить ее к ответственной роли царской супруги, научить многосложному придворному этикету, а заодно присмотреться, нет ли в ней каких скрытых изъянов. Однако чванливая и заносчивая придворная аристократия никак не желала видеть Афимью в роли государыни всея Руси, а тем более – мириться с появлением возле царя ее незнатной родни. Когда через некоторое время девушку вывели в пышном наряде к державному жениху для официальной помолвки, она вдруг без чувств рухнула на пол. Шведский поверенный в делах при российском дворе Фербер, посылая известия об этом происшествии, предполагал, что царская невеста потеряла сознание "от великого страха и радости". Подьячий Посольского приказа Г. Котошихин, в 60-е годы XVII века бежавший в Швецию и написавший там книгу о жизни русского двора, утверждал, что виной всему зависть живших у царевен родственниц - отвергнутых претенденток. Они умыслили во что бы то ни стало "известить" Афимью "и скоро, то сотворили, упоив ее отравками". Англичанин С. Киллинс, в 1659 году поступивший на службу к Алексею Михайловичу в качестве врача, в придворных кругах услышал версию, будто расстроить царскую свадьбу, прежде всего, стремился боярин Борис Морозов, воспитатель царя, пользовавшийся при дворе огромным авторитетом. Перед выходом Афимьи "Борис приказал так крепко завязать ей венец на ее голове, что она упала в обморок..." Так или иначе, но царедворцам удалось уверить неопытного государя, что Всеволожская больна падучей немочью. Ее отца, предвкушавшего уже получение боярского чина (как это обычно бывало в случае царской свадьбы), отправили в пыточный застенок и секли кнутом, добиваясь признания, что он умышленно скрыл страшный недуг дочери. По словам Котошихина, Алексей Михайлович, в конце концов, узнал, "что-то учинилось по ненависти и зависти". Но как не запала ему в душу нежная касимовская красавица, жениться на ней он уже не мог. В ходе следствия выяснилось, что на Афимью тайно напускал порчу с помощью "чародейства" и "наговора" некий Мишка Иванов, холоп боярина Н. И. Романова, слышавший колдуном. Мишку заточили в тюрьму Кирилло-Белозерского монастыря, а семейство Всеволожских отправили в ссылку в Сибирь. Юный царь тяжело переживал неудачу своей помолвки. И хотя Фербер, писавший свое донесение по горячим следам, передавал мнения придворных, что их правитель "после Пасхи жениться на другой", - к Алексею Михайловичу целый год не могли приступить с разговором о новой невесте. Котошихин свидетельствовал, что он "вельми печален был и многая дни лишен был яди". Однако необходимо было подумать о наследнике престола. И через год царь обвенчался с

Марией Ильиничной Милославской, который представил ему Морозов. А через десять дней состоялась другая пышная свадьба: вдовец Морозов женился на младшей сестре царицы Анне Милославской, надеясь прочно укрепить, таким образом, свое положение при дворе. Но опытный царедворец на этот раз жестоко просчитался. Бойкая и темпераментная молодница, недовольная своим присторелым мужем, давала ему основательные поводы для ревности, Коллинс рассказывал, что один англичанин был сослан в Сибирь за то, что Морозов заподозрил его в слишком коротком знакомстве со своей женой. Да и могущество Морозова при дворе вскоре пошатнулось. Внутренняя политика возглавляемого им правительства, увеличение поборов, бесконтрольный произвол чиновников-мздоимцев вызвали народное негодование. В Москве вспыхнул бунт. Морозовское подворье было разгромлено, а сам Борис, спасаясь от расправы, бежал из Москвы и долгое время скрывался в Кирилло-Белозерском монастыре, там же, отбывая наказание Мишка Иванов, обвиненный в чародействе над дочерью Всеволожского. Странные повороты бывают у судьбы...

В 1649 году Алексей Михайлович вспомнил об изгнанниках и назначил Федора Всеволожского воеводой в Верхотурье. Однако через три года происходит странная история, о которой глухо говорят официальные документы. Федора, то посылают воеводствовать в Яранск, то срочно возвращают с дороги и отправляют в Тобольск. Причем везут его с приставами, как поступали обычно с арестованными. Похоже, недоброжелатели не оставляли Всеволожского в покое и в далекой Сибири, найдя способ скомпрометировать его перед царем. Наконец он оказался в Тюмени, где и скончался. Его осиротевшей семье царь в 1653 году разрешил вернуться в касимовские вотчины, послав одному местному воеводе строгий наказ: держать опальников "в Касимовском уезде в дальней их деревне, а из деревни их к Москве и никуда отпущати не велено". Там и скончалась "порушенная" царская невеста совсем еще молодой. То ли тяготы сибирской ссылки подорвали ее здоровье, то ли истомили неизбывная печаль и горькие воспоминания... Говорили, что у нее были достойные женихи, но она всем отказывала и как святыню берегла платок и кольцо, некогда подаренные царем. С ним ее и похоронили.

А в 1830 году по лесным мещерским дорогам двигался обоз князей Долгоруковых, сосланных императрицей Анной Иоанновной в их поместье в Селищах, в 6 верстах от Касимова. И тихо плакала, таясь от окружающих, 16-летняя Наталья, жена Ивана Долгорукова, еще недавно всеильного фаворита юного императора Петра II. Когда Петр внезапно скончался, а Долгоруковы оказались в опале, родные Натальи (дочери прославленного фельдмаршала Шереметьева) предлагали расторгнуть помолвку и даже срочно подыскали более подходящего жениха. Однако натолкнулись на решительное сопротивление юной невесты. В своих "Записках" Наталья признавалась: "Я такому бессовестному совету согласиться не могла, а так положила свое намерение, когда сердце одному отдав, жить или умереть вместе..." Напуганная родня отдалилась от Натальи, с безрассудным самоотвержением идущей навстречу своей гибели. На венчании, состоявшемся в подмосковном имении Долгоруковых Горенки, никто из ее близких не присутствовал. А на третий день после свадьбы нарочный привез сенатский указ о ссылке всего семейства. Жить с ненаглядным, но уже обреченным Иванушкой Наталье пришлось недолго, зато горя и слез было с лихвой. Дорога по густым и заболоченным мещерским лесам, переполненным талой водой, грозила не только неудобствами, но и опасностями. Однажды Иван, увлекшись охотой, угодил в глубокий ручей и чуть не утонул. В касимовской глухомани всю разбойничали лихие люди. Когда Долгоруковы остановились на ночлег в одной из деревень, мужики пожаловались, что недавно разбойники сожгли соседнюю деревню, а этой ночью обещали навеститься к ним. Всю ночь путники не спали: женщины в отчаянье горячо молились, мужчины сосредоточенно лили пули, заряжали ружья, готовясь к обороне. Но видимо, появление в деревне большого обоза и хорошо вооруженных людей остановило разбойников. Когда добрались до Селищ, выяснилось, что старый помещичий дом не может всех вместить. Наталье с мужем пришлось уйти в деревню и ночевать в сарае мужика. Вскоре в Селища явился пристав с новым предписанием: Долгоруковых сослали в далекий северный Березов. Около недели они томились под стражей где-то в прибрежной части Касимова, ожидая, когда будет готов корабль. "Недалеко была река от дома нашего", - вспоминала Наталья. На касимовской пристани она разлучилась с последними близкими людьми, связывавшими ее с родительским домом, любимую горничную Натальи оказалась взять с собой спесивая мужнина родня, а ее воспитательница-иностранка, добровольно последовавшая за своей питомицей в касимовскую глушь, на этот раз не отступилась, напуганная рассказами о суровом русском

Севере. Прощание было мучительным. Наталья лежала в глубоком обмороке, когда корабль отчалил от Касимова. Впереди ее ждали тяготы длительного пути, нелюдимый, холодный край, трудные отношения в большой сварливой семье и, наконец, – новый арест, и казнь Ивана. А у касимовского берега осталась под окскими волнами оброненная Натальей в минуты прощания большая жемчужина ("тогда я потеряла перло жемчужное"), словно на веке застывшая слеза, плакавшей здесь юной женщины, такой неопытной и беспомощной в житейских делах и такой самоотверженной в своей любви.

За Татарской горой разросся посад Пушкарской слободы. Здесь в 1700 году купец И. И. Гагин на месте ветхой деревянной церкви выстроил каменный храм Богоявления, более известный в народе под названием георгиевского (по его приделу в честь Георгия Победоносца). Это была одна из первых попыток ввести в провинциальные архитектурные традиции Касимова элементы московского "нарышкинского" барокко. За алтарем церкви еще в недавнее время видели вросшую в землю каменную плиту, которая, по преданию, являлась надгробием известного шута Петра Великого Ивана Алексеевича Балакирева, под конец жизни оказавшегося касимовским помещиком. Попав на службу в Петербург, разбитной, веселый молодец сумел стать своим в царском доме и содействовал любовному роману между супругой Петра - Екатериной и красавцем-щеголем, камергером Виллимом Монсом. Амурные похождения Виллима кончились тем, что он потерял голову в буквальном смысле слова. После его казни Балакирева, битого батогами, сослали в каторжные работы. Но вскоре Петр скончался, и Екатерина поспешила освободить преданного слугу, носившего Монсу ее любовные записочки и сумевшего промолчать об этом в пыточном застенке. Балакирев был пожалован чином прапорщика и, видимо, тогда же получил имение в Касимове в качестве компенсации за все, что ему пришлось претерпеть. Ему достались бывшие владения касимовских ханов на Татарской горе и Старом посаде, а так же в Селищах, деревне Вешки и т.д. Судьба сыграла шутку с любимшем разыгрывать других Балакиревым, предоставить ему возможность примерить "ханскую личину". Среди приписанных к имению слуг преобладали татары. В яблоневом саду у дома стояла усыпальница Шах-Али, за содовой оградой возвышался минарет татарской мечети. Поселился Иван Алексеевич в своем имении незадолго до смерти императрицы Анны Иоанновны, жил замкнуто, лишь иногда изумляя местных обывателей неожиданными выходками, в которых чувствовалось более духовной одичалости, чем остроумия. А. П. Мансуров записал предания о Балакиреве, передававшиеся касимовскими старожилками: "Купит воз сена, со всем, с телегой, велит выпрячь лошадь и сбросит с крутого берега навьюченный воз. Он летит с кручи, сено рассыпается дорогой, подхватывается ветром и т.д. На берегу собирается толпа народа, смотрит на эти диковинки..."

Род служилых дворян Балакиревых утвердился на рязанской земле еще в XVI веке, а потом дал костромскую ветвь. О родителях Ивана Алексеевича, о том, где он родился и провел ранние годы жизни, биографам ничего не известно. Даже дата его рождения – 1699 год – устанавливается приблизительно. И все же его корни, видимо, следует искать на Рязанщине. Недалеко в Коломенском уезде находилась деревенька брата его отца, отставного драгуна Гаврилы Семеновича Балакирева. Известно, что отец Ивана - Алексей Семенович здравствовал во времена Анны Иоанновны и нередко наезжал в Москву (значит, жил тоже где-то поблизости). Кстати, в касимовских документах за 1721 год встречается имя служившего здесь земского комиссара Алексея Семеновича Балакирева (некоторые искажения в написании в старинных рукописях – дело обычное). Возможно, это лишь случайное совпадение. А может, это действительно был отец Ивана? Недаром по касимовским преданиям Иван Алексеевич сам выпросил себе надел именно в этом городке. Под конец жизни, как правило, человека тянет на землю его предков... Но это лишь гипотеза, которою пока с уверенностью нельзя ни принять, ни опровергнуть. До наших дней оно не дошло, но по рисункам и описаниям очевидцев выглядело так: "большой продолговатый камень, без всякой надписи, с восьмиугольным крестом". Крест походил более на какой-то таинственный символ или орденский знак. В самом ли деле это была могила Балакирева? Возможно, надпись шла по боковой части плиты (что тоже встречается на старинных надгробиях (и не была видна, так как камень, плашмя лежавший на земле, давно врос в дерн. Знаменитый шут, любивший разыгрывать современников, словно был обречен судьбой на то, что бы после его кончины мистификации, многочисленные анекдоты и вымышленные легенды возобладали над реальностью, скрыв от потомков его искреннее лицо.

* * *

В XVIII веке инициаторами строительства новых каменных храмов в Касимове чаще всего выступало купечество, находившее в этом способ своеобразного самоутверждения. Так купец А. Г. Полежаев и его родственники Вереины на свои средства возвели Троицкую церковь (1753 – 1765) и колокольню (1772). Купец М. А. Милованов выстроил на месте деревянного храмового комплекса, погоревшего "без остатку", Успенскую церковь (1775) с колокольней (1789). Стены внутри церкви были отделаны "под мрамор"; колокольня с "пучками" колонн и замысловатым декором выглядела по-европейски нарядной. Но однажды в июльскую ночь 1810 года разразилась страшная гроза, молнии сбили кресты и основательно повредили главы и кровлю церкви. Потрясенные таким "знамением" горожане шептались: видно, нечистыми оказались купеческие деньги, потому и обрушилась кара Всевышнего на предназначенный ему дар касимовского толстосума. На самой окраине Касимова на высоком речном откосе купец Д. С. Какушкин с детьми поставил Ильинскую церковь (1825 – 1848). Архитектура церкви представляет собой соединение позднего ампира и классицизма. К сожалению, старинные источники донесли до нас имена заказчиков, но не сохранили имен зодчих храмов. А в то же время сочетание в этих постройках добротного профессионализма с большой самостоятельностью творческих решений свидетельствует о незаурядном даровании их создателей, среди которых, возможно, были и местные, пока не открытые таланты.

В конце XVIII – начале XIX века Касимов – богатый и известный купеческий город. Композитор А. Е. Варламов для музыкальной драмы "Муромские леса" написал на слова А. Ф. Вельмана "Песню разбойника", в которой были такие строки:

Время! веди ты коня мне любимого,
Крепче держи под узды;
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы...

Славилась ежегодная Казанская ярмарка, проводившаяся в городе с 7 по 14 июня; ее обороты достигали 200 тысяч рублей серебром. На ярмарку стекалось множество народа не только из Рязанской, но и из соседних губерний. Кроме того, в это время Касимов заполняли толпы богомольцев, собиравшихся на празднование дня иконы Казанской Божьей материв местный женский монастырь, названный в ее честь. А возле мечети на Татарской горе раз в неделю развешивался свой торг, получивший название "ханского базара"; тут продавали кумыс и другие кисломолочные продукты, конину, татарские кушанья и сладости, ювелирные изделия.

Жизнь здесь в начале XIX века текла по старозаветным обычаям: горожане любили сытно поесть, спали после обеда, по субботам парились в домашних баньках, воспитывали детей розгами, не тратя лишних слов на нравоучения. Новшества в уклад домашнего обихода проникали лишь у богатейших купцов, принадлежавших к местной элите, и исподволь начинавших копировать дворянские вкусы. Д. Ю. Филиппов, анализируя опись имущества Касимовского купца Ф. С. Полежаева (1806 год), отмечал, что в его солидном доме вместо традиционных дубовых сундуков, кованных железом, появились уже шкафы, а вместо лавок и скамей - стулья с подушками. В его горницах были такие редкости, как шкаф, стол, комод из красного дерева и большие стенные часы. Даже карманные часы в ту пору в провинции считались немыслимой роскошью. У Полежаева имелось трое таких серебряных часов, которые составители описи оценили в 25 рублей, в то время как стоимость его торговой лавки определили всего в 20 рублей. Стремясь прослыть человеком культурным и образованным, купчина зачем-то приобрел "две зрительные трубки" и в подражание столичным аристократическим домам завел у себя целую художественную галерею: 30 живописных полотен и "бумажных картин" (гравюр или лубков), а так же 4 "каменных портрета" (т.е. бюсты).

Но содержание этой коллекции показало, что собиралась она более для престижа и хозяин ценил само наличие редкой вещи, а на ее сущность. Была ли эта старинная парсуна царя Алексея Михайловича или случайно подвернувшийся где-то портрет воронежского архиерея Тихона, или аляповато-яркий лубок со скабресным сюжетом – все шло в одну кучу. В курьезном соседстве с императорскими бюстами невесть каким образом оказались скульптурные изображения вольнодумца Вольтера и некоего "старика Павла". Зато во всем

доме нашлось лишь одно печатное издание – "Книга вексельных уставов", которой руководствовался хозяин, давая деньги взаймы. Перед близкими гостями дома Полежаев позволял себе являться по-барски – в шелковом халате. А его жена щеголяла "французской юбкой". Но все эти изыски были явлением исключительным.

По воспоминаниям профессора Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславова, выросшего в Касимове, в то время мужчины в основном носили обычные русские кафтаны и рубахи, большинство женщин "ходило в кокошниках, сарафанах, епанечках или повязывало голову платками. Все эти вещи стоили очень дорого. Кокошники унизаны были жемчугом, на епанечки употреблялась богатая парча, головные платки вышивались серебром и золотом". Домашние эстетические потребности горожан ограничивались цветочными горшками на окнах да клеткой с соловьем или скворцом (дорогих экзотических канареек могли позволить себе только очень богатые купцы). Высшее духовное наслаждение состояло в оценке соперничества могучих дьяконских басов из разных приходов. Особенно отличались своим ошеломляющим громогласием дьяконы Георгиевской и Благовещенской церквей. Последний даже потеснил "не вышедшего голосом" служителя главного Вознесенского собора и занял его место. Любимой праздничной забавой были кулачные бои "стенка на стенку", на которые не редко вместе с простолюдниками выходили померяться силушкой молодые купчики и приказчики. Солидные "хозяева" с удовольствием собирались поглазеть на молодецкую потеху, ставили заклады и поощряли сражающихся обещанием денежной награды и щедрого угощения. Бойцовский азарт порой достигал такого накала, что заражал зрителей: часть публики, не выдержав, кидалась на подмогу дерущимся, и дело завершалось всеобщей свалкой. За полученные увечья (иногда весьма серьезные) зла друг на друга не держали. Кончались праздничные баталии, и недавние противники, с остервенением сокрушавшие друг друга скулы и ребра, как ни в чем не бывало встречались по делам и хозяйственным нуждам.

Чаще всего бои происходили в начале Соборной улицы, недалеко от Вознесенского собора. Первоначально на этом месте стоял деревянный храм, сгоревший в конце XVII века. В 1748 году здесь поставили каменную церковь ("главы обиты деревянной чешуей"). Здание, дошедшее до наших дней, возводилось в 1854-1862 годах по проекту Н. И. Воронихина, выстроившего Казанский собор в Петербурге. Н. И. Воронихин по окончании Академии художеств был назначен губернским рязанским архитектором. Учитывая особенности местного касимовского колорита, в архитектурном убранстве главного культурного сооружения города, он объединил традиционно русские и татарские мотивы.

Сама же соборная площадь и сохранившейся до ныне исторический центр города стали памятником местному энтузиасту-самоучке Ивану Сергеевичу Гагину (1767 или 1771 – 1844). Его предки торговали хлебом и медом. Вывозя свой товар в Москву. Самому Гагину принадлежала небольшая фабрика фарфоровой посуды. Но любознательная, чуждая меркантильных интересов, романтически-возвышенная натура Ивана плохо сочеталась с жесткими, прагматичными законами торгашеской среды. Не получив почти никакого образования, он интересовался физикой, механикой, историей, хорошо рисовал. Увлечшись археологией, он первым начал описывать и зарисовывать местные древности. Гагин ввел в научный обиход гипотезу о том, что Александр Невский, возвращаясь в 1263 году из Орды и, заболев по дороге, остановился не в городце на Волге, как это принято думать, а в Городце Мещерском.

Не сумев удержаться в торгово-предпринимательской сфере и разорившись, Гагин вынужден был поступить на службу землемером, а заодно начал постигать секреты архитектурного искусства. Вскоре он сам взялся за возведение городских зданий. По его проекту городская застава украсилась въездными столбами, а выстроенные им торговые ряды в ампирическом стиле стали украшением Соборной площади. Вход на площадь с восточной стороны он предложил декорировать полукруглой колонной. Гагин строил (или перестраивал) казенные здания, дворянские и купеческие усадьбы, которые создали неповторимый облик города, привлекающий своим патриархальным уютом и необычным архитектурным решением. Мягкая, поэтическая душа Гагина сказалась в стремление избегать резких градостроительных форм. Угловые дома он старался сделать обтекаемыми, оформляя их фасады с помощью полукруглых ротонд, что придавало их линиям особую "напевность". Подавая на утверждение проект Соборной площади и прилегающих к ней кварталов, Гагин советовал "углы оных кварталов обратить на приятную красивую симметрию полуциркуля". И, видимо, только его кончина помешала исполнению этого замысла. По различным версиям, с именем Гагина связывают здания духовного училища,

городской думы, дом №4 по улице Воровского, дома Алянчиковых, Наставиных, Барковых, С. Л. Салазкина, М. А. Якунчикова, усадьбу Кастровых и др. Зато сам доморожденные зодчий, равнодушный к собственному комфорту, ютился в маленьком домишке на городской окраине. Когда же горожане, городившиеся талантами своего чудака-бессеребряника, задумали подарить ему дом в центре города и лошадь с коляской, Гагин категорически отказался. Он жил и трудился для пользы общественной, мечтая сделать свой Касимов неповторимо-прекрасным городком. Исследовательница его творчества Р. И. Платонова отметила, что у Гагина "всегда первые эскизы и даже сам проект более парадны и монументальны, чем постройки". Так, здание духовного училища на его плане представлен с изящным четырехколонным портиком ионического ордера. Дом М. А. Якунчикова на разных эскизах, то украшался колоннами и богатой лепниной, то завершался башенкой – "миловидной" со шпилем, вокруг которой шел балкон с ажурной решеткой. И осталось только пожелать, что в силу различных обстоятельств, сковывавших полет творческой фантазии зодчего, так и остался на бумаге тот сказочно-фантастический город, созданный его вдохновенной мечтой. По рассказам, М. П. Погодина, посреди города должен был стоять собор Вознесение Христова, мощь и богатство архитектурного убранства которого превзошли бы знаменитый собор св. Петра в Риме. Необычный облик собора отражал философско-религиозные идеи его создателя. Его окружали 7 церквей-пределов – в память о 7 днях творения, 7 днях недели, 7 дарах Святого Духа, 7 церквях, упомянутых в Апокалипсисе. Входом служили 7 ступеней. А под главным купольным крестом помещалось золоченое изображение Спасителя, которое бы двигалось в круговую по солнцу. Этот грандиозный "вселенский собор" призван был символизировать историю судеб человечества, предопределенную неисповедимой волей Творца – Вседержителя. Заветным желанием Гагина было выстроить большую, светлую богадельню, чтобы отогреть в ней местную бедноту. Центром богадельни в его эскизах служила церковь. На одном из них – это нарядное здание с неожиданным решением: роль колокольни здесь выполняют четыре башенки с колоколами вокруг главного купола. С двух сторон к церкви примыкают два длинных жилых корпуса (мужской и женский), завершающиеся просторными зданиями столовых и кухнями. Сам план напоминает скорее какой-то загородный дворцовый ансамбль, приют бедняков. Разумеется, касимовские богатеи не расщедрились на такое предприятие. Перед смертью Гагин уговорил жену постричься в монастырь и отдать под богадельню их собственный домик. Наследников у него не было, потому часть своих бумаг он просил передать К. И. Арсеньеву, от которого они попали к М. П. Погодину. В "Русском биографическом словаре" Н. П. Чулкова (1914) рассказывается, как через несколько десятилетий после смерти Гагина разбирали его окончательно обветшалый дом и, разломав давно не топившуюся печь, заложенную кирпичами еще самим Гагиным, обнаружили там большую кипу его рукописей, таким необычным способом завещанную далеким потомкам.

* * *

Городские усадьбы прошлых веков стоят на таких касимовских улочках словно драгоценные старинные ларцы, хранящие забытые повести с удивительными, яркими страницами человеческой судеб. Благодаря изысканиям рязанского историка – архивиста Д. Ю. Филиппова постепенно восстанавливаются некоторые из этих историй.

В начале XIX века в городе первенствовало семейство Алянчиковых. По преданию, последняя ханша Фатима – Султан – Сеитовна, желая повелиться, разъезжала по городу в богатой, раззолоченной колыхаге, запряженной "черными лошадаками". Но однажды несколько человек, которым пришла очередь впрягаться в хомуты, взбунтовались, наотрез отказавшись стать ханскими "лошадями". Ханша побранила их: "Экие вы аляны!" (т.е. ленивые, упрямые). Но с тех пор на людях уже не ездил. "Аляны" же проявили не только сильный характер, но и недюжинную деловую хватку, став со временем богатейшими винными откупщиками Алянчиковыми. Д. И. Ростиславов вспомнил: "Настоящее ядро, даже можно сказать, аристократию города составляли купцы, между которыми было много богатых людей, и первое место занимал Иван Осипович Алянчиков (...). В городе он был самую уважаемую особю. При встречи на улице все, не исключая городничего, кланялись ему прежде. Когда, бывало, в высокаторжественные дни он приходил в собор, то частный пристав раздвигал перед ним народ еще с большею хлопотливостью, нежели перед

городничим. Иван Осипович величаво шел между двумя рядами и учтиво отвечал на низкие поклоны, которые ему делались с обеих сторон. Пред иконостасом он становился впереди всех, рядом с городничим. Смотри на все это, можно было подумать, что он-то и есть первая особа, начальник города; я так и думал". Дважды его избирали городской головой. Сам не получивший достаточного образования, Иван Осипович не жалел денег на обучение своих сыновей. Но результат оказался неожиданным. Молодые купчики, начитавшись французских энциклопедистов, отчаянно бравировали вольнодумством и атеизмом, к немалому ужасу благонамеренных обывателей и к полной растерянности почтенного отца. Ростиславов писал: "Старик Алянчиков сильно озабочен был спасением душ своих детей и для смягчения их сердец просил нашего протопопа обращать их на путь истинный..." Недалеко от Успенской церкви Алянчиков возвел трехэтажный каменный особняк. Эта монументальная резиденция предусматривала удовлетворение всех потребностей деловой и семейной сфер купеческого существования. В полуподвальном этаже находились склады и лавки, первый этаж служил для хозяйственных целей, там же, видимо, были контора, помещения для приказчиков, деловая приемная и т. д. Второй этаж поражал необычной для провинции роскошью парадных апартаментов: огромный зал для балов и приемов освещался, как во дворцах, двумя рядами больших и малых окон; рядом располагалась гостиная с колоннами и расписным плафоном. В одной из комнат в стену был вмонтирован массивный чугунный сейф, где хозяин хранил свои ценности и коммерческие тайны. Третьим ярусом здания стал уютный бельведер, из окон которого открывался вид на заокские просторы. К дому примыкал большой сад. Ростиславов вспоминал, что Алянчиков жил "на барскую ногу, гостиная его чуть не каждый день наполнялась гостями"; танцы и развлечения непременно завершались щедрым, по купечески обильным угощением. Гордятся своими парадными залами, равных которым тогда не было в городе, Иван Осипович предоставлял их для проведения выпускного акта воспитанников касимовского училища, на котором присутствовали и представители местной власти, и все высшее городское общество. Сын Алянчикова Яков после очередного касимовского пожара купил выгоревшее место, принадлежавшее купцам Муромцевым, и на углу Успенской и Гостиной улиц выстроил свой особняк. Хотя он и выглядел куда скромнее отцовского, но внутри был отделан не без щегольства: в парадных комнатах настелили паркетные полы, в интерьерах использовали облицовку "под мрамор", даже печь и очаг в кухне были из цветных изразцов. Но в 1860-е годы дом этот отошел городу и в нем разместили женскую гимназию. В настоящее время он функционирует как одна из городских школ.

Одновременно с Алянчиковым начало выдвигаться семейство Барковых. Глядя на их помпезную усадьбу на Набережной, трудно поверить, что ее владельцы происходили из крепостных. Дмитрий Сергеевич Барков сначала был конторщиком у знаменитого заводчика А. Р. Баташева, но, увлекшись медициной, отпросился у хозяина в "аптекарские ученики" и в последствии выполнял обязанности семейного врача Баташевых. Всерьез занялись медициной и его четверо сыновей: Василий, Федор, Тимофей и Иван. С 1813 года Дмитрий Барков служил врачом при Гусевском заводе Баташевых, а Василий – аптекарем. Тяготение Барковых к секретам лекарской науки не случайно. Лесные мещерские края исстари славились травниками – "зелейщиками" и знахарями. Недаром в памятнике XVI века "Повести о Петре и Февронии" рассказывалось, как безнадежно больной муромский князь Петр отправился на рязанщину, прослышав, "что много есть врачей в пределах Рязанской земли". И вылечила его крестьянская девушка Феврония. Василий Барков, находясь в Петербурге с А. А. Баташевым, своим лекарским искусством помог мучительно болевшему хозяину и в награду получил вольную для всего своего семейства. Д. Ю. Филиппов опубликовал предписание А. А. Баташева 1815 года: "Объяснить подлекарю Д.С. Баркову мою благодарность, что он прислал ко мне своего сына, как ангела – спасителя моей жизни (...) без него я бы погиб невозвратно, и во изъявление моей признательности за таковую услугу, себе поставляю за удовольствие отпустить его, Баркова, со всем семейством вечно на волю..." Однако в отпускном документе прижимистый хозяин оговорил: "Даруемую им от меня свободой воспользоваться не прежде, как по кончине моей, а до того времени быть им в собственном моем владении и во всяком повиновебнии, исполняя возложенные на них должности с таковым же усердием, как и прежде сего". Но через год А. А. Баташев скончался, и Барковы, перебравшись в Касимов, начали торговлю железом баташевских заводов, впоследствии сами открыли железо – лудильный и купоросный заводы. За тем стали пайщиками сибирской золотопромышленной компании купца П. С. Соловьева. В 60-е годы торговый дом Барковых владел тремя золотыми приисками в Енисейской губернии.

Поселившись в Касимове, Дмитрий с сыновьями Василием и Федором не прекращали медицинской практики, содержали аптеку и лечили не только горожан, но и приезжавших из соседних уездов. Слава о Барковых расходилась далеко по округе. Ростиславов вспоминал: "Общим любимцем и благодетелем всех больных был купец Дмитрий Сергеевич Барков". Лекарственное сырье для своей аптеки Барковы получали весьма оригинальным способом. Смотритель местного духовного училища протоиерей Поликарп, бесплатно пользовавшийся медицинской помощью Баркова, в качестве компенсации отряжал учеников целыми классами в походы по окрестностям для поиска лекарственных растений. Под присмотром учителей или надзирателей они не в сметных количествах заготавливали необходимые цветы, травы и корни. Начались эти экспедиции ранней весной со сбора сосновых и березовых почек, а заканчивались осенью добыванием корней и лопуха. Особенно много приходилось рвать "розовых цвет" – цветы и плоды шиповника, употреблявшиеся как для лечебных, так и для косметических целей. Ростиславов писал: "По господствовавшему тогда мнению, настой на "розовом цвете" делал очень нежными лицо и ручки дамские". Протоиерей галантно посылал "розовый цвет" в подарок супругам городничего, предводителя дворянства, уездного судьи и т.д. Бурсаки в сезон сбора шиповника ходили с исцарапанными руками; лазая за болотными корнями и травами, возвращались домой по уши в грязи, но выполнять очередные барковские задания отправлялись с большой охотой. Они рады были вырваться из душных классов и отдохнуть от казенной зубрежки на просторе лесов и лугов. А тех, кому поручали относить добытое сырье Баркову, считали счастливыми, так как радушный хозяин всегда одаривал их гостинцами. По окончании заготовительного сезона Барков отсылал в училище деньги "на калачи" своим юным помощникам. Необычная деятельность купцов – врачей, имевших большую популярность у касимовцев, пришлась не по нраву казенному врачу, терявшему клиентов. Настойчивые напоминания о том, что у Барковых нет официального аттестата, дающего право на врачебную практику, а за тем смерть Д. С. Баркова заставила семью оказаться от любимого дела. Однако увлечение медициной осталось их родовой чертой: сын Барковых Иван закончил медицинский факультет Московского университета, правнук Владимир Николаевич в конце XIX века служил уездным земским врачом.

Жили Барковы на широкую ногу, устраивали пышные празднества, на которые порой собиралось до двухсот человек гостей. В особняке на Набережной был парадный зал, отделанный "под мрамор", в доме находилось собрание картин и богатая библиотека. Но особенно славился сад Барковых, устроенный со всеми изысками, свойственными парковому искусству того времени. Здесь были прекрасные садовые деревья, длинная липовая аллея, оранжерея с экзотическими растениями, флигельки, пруды с рыбками, скульптуры на содовых дорожках в подражание петербургским паркам. Вот только мраморными изваяниями в касимовской глухомани разжиться было трудно, и их с успехом заменяли деревянные скульптуры, сделанные местными чумельцами. Доморощенные резчики, не имевшие понятия о Винерах и Антониях, изображали привычные для них бытовые сюжеты. Одна из таких фигур (монах с книгой) находится ныне в коллекции местного краеведческого музея. На Соборной улице у Барковых был еще один особняк, в котором в 1837 году отвели квартиру для посетившего город наследника – царевича Александра Николаевича, путешествовавшего по России. Но за тем произошла история, напоминающая сюжет известной пьесы А. Н. Островского "Свои люди – сочтемся". Приказчик Барковых С. Л. Салазкин ловко провел доверившегося ему патрона и стал владельцем части хозяйской собственности, а заодно – и дома с ротондой на Соборной.

На Набережной выделяется внушительный особняк из красного кирпича, окруженный высокой стеной с массивными воротными столбами и многочисленными хозяйственными постройками внутри двора. Этот богатый усадебный комплекс, некогда выстроенный по проекту Гагина для заводчиков Вереиных, в 1900-е годы у очередного владельца А. С. Замешаева приобрел купец Мухамет Кастров. Касимовские татары издревле считались искусными мастерами по выделке кож. Их производственные секреты перенимали русские соседи. К 1860 году в Касимове было 13 кожевенных заводов. М. Баранович, собирая статистические материалы по рязанской губернии, писал: "Кожевенные заводы преимущественно распространены в городе Касимове, который всегда ими славился". Среди заводчиков выделялись имена Вереиных, Шемякиных, Баранаева, Полежаевых и др. Ценилась продукция мерлушечных заведений Ишенбаева и Кастрова. Крещеный татарин Фатех Кастров, один из богатейших касимовских купцов, владел большими отарами овец в Средней Азии. В Касимове Кастровы открыли двухэтажный магазин с зеркальными окнами,

где среди разнообразных товаров, прежде всего, предлагали изделия собственного производства: каракулевые шубы, шапки, воротники. Свою продукцию они отсылали в Москву, Петербург, на Макарьевскую ярмарку.

На Набережной стоит дом с мезонином, некогда принадлежавший купцу П. Н. Шишкину, владельцу кожевенного завода и канатопрядильной фабрики. Он так же выстроен по плану Гагина в 1820-е годы, но по сравнению с другими зданиями выглядит довольно скромно. Правда, фасад его украшал балкон, а на второй этаж вела парадная каменная лестница с "галереями за стеклами в рамках". Но в целом – это традиционная, приспособленная к условиям купеческого быта постройка с просторными сводчатыми помещениями для хозяйственных нужд на первом этаже и кухней с кирпичными печами. В гостиных рядах Шишкин имел каменную лавку. Однако опись его имущества (1841), обнаруженная Филипповым, показывает, что в середине 19 века культурные запросы и потребности местного купечества заметно возросли. У Шишкина было собрание из 18 картин, в гостиной на видном месте красовался хозяйский портрет в золоченой рамке. Кроме двух дорогих часов (стоимость которых ненамного уступила стоимости гостиной лавки), купец приобрел фортепиано. В его доме в отдельной комнате стоял бильярд – барская забава, почти не знакомая в те времена купеческим кругам. Сам Шишкин носил фраки с модными шелковыми жилетами. Но главное – хозяин собрал богатую библиотеку, насчитывающую "113 различных книг". И судя по всему, это делалось вовсе не ради похвальбы перед гостями. По-видимому, Шишкин принадлежал к редкой категории купцов, которые искренно тянулись к высотам духовной культуры, усердно занимались самообразованием и, не ограничиваясь сферой прозаических коммерческих интересов, уже не представляли своей жизни без музыки, живописи, хорошей книги. После смерти Шишкина через некоторое время, владельцем этой усадьбы стал купец К. А. Умнов.

Переход лучших городских зданий из рук в руки, как свидетельствуют разыскания Филиппова, - яркий показатель взлетов и падений их обладателей, возвышений одних семейств и ухода в тень других, неумолимого движения касимовской истории и перемен социально-общественного бытия. На Соборную площадь выходит один из старейших касимовских особняков, ставший своеобразным героем фильма "Инкогнито из Петербурга", снятого по пьесе Н. В. Гоголя "Ревизор". Дом, ровесник с Наполеоном, был построен в 1813 году и принадлежал княгине Е. И. Путятиной, супруге местного городничего. К дому примыкал большой сад, спускавшийся по склону Никольского оврага. В 1830 годы особняк перестроил Гагин для М. В. Полежаева - представителя вошедшей в силу торгово-промышленной династии. Купцы Полежаевы, занимавшиеся скотобойным промыслом и мясной торговлей, на рубеже XVIII – XIX веков стали одними из самых влиятельных и богатых семейств - кланов Касимова. О размахе их торговли свидетельствует такой факт: В пожаре 1773 года у купца И. С. Полежаева погибло 13 городских лавок, у А. Г. Полежаева 11. Полежаевы не раз избирались городскими головами, открыли кожевенные заводы. Братья А. Г. и М. Г. Полежаевы выстроили каменную церковь Рождества Христова (до наших дней она не дошла). Но постепенно этот род утратил былое могущество на смену ему пришли другие, и хозяином особняка оказался Василий Барков, а последними его владельцами являлись купцы Наставины. Не за долго до революции М. Н. Наставин был избран городским головой, и по его инициативе в Касимове, первым из рязанских уездных городов был проведен водопровод. Наставин хлопотал об устройстве Механо-Технического училища и, став его попечителем, учредил из своих средств премиальную стипендию для лучших учащихся. Все преподаватели училища имели высшее образование.

Рядом с церковью Благовещения стоит небольшой, уютный особнячок с мезонинами, в конце XVIII века принадлежавший купеческой фамилии Якунчиковых. После смерти Л. П. Якунчикова, питейного откупщика и хрустального заводчика дом унаследовала его вдова, которая по семейному разделу достался так же ренсковый погреб для торговли винами. Но у сыновей Якунчикова дела не заладились, и в 1856 году дом за долги отошел купцам Слетовым. Вопреки купеческим традициям, особняк был выстроен без лавок, а изящные мезонинчики, выходящие на обе стороны, с балконом на фасаде напоминали скорее облик "дворянского гнезда". Последней владелицей дома стала опять вдова – купчиха П. С. Азовцева, так же содержавшая питейное заведение, но на этот раз уже минеральных и фруктовых вод.

Двоюродный брат Л. П. Якунчикова М. А. Якунчиков в 1830-е годы, в пору своего процветания возвел на главной Соборной улице представительный особняк с итальянскими окнами и лепниной по карнизу. Основным проектировщиком считается Гагин, хотя в его

письмах к Якунчикову упоминается о плане интерьеров, предложенном Н. И. Ворониным, а так же о каких-то вариантах эскизов, видимо, раздобытых самим заказчиком где-то в столицах. Анфилады комнат раскрывали перед посетителем прихотливый, рассчитанный "на показ" мир богатого семейства: приемная, гостиная, столовая, парадный зал, хозяйский кабинет и т.д. Для непринужденного общения в узком дружеском кругу служили чайные и диванный комнаты. Разнообразие узоров паркета, лепных потолков, украшенных резьбой с позолотой дверей усиливали впечатление роскоши. На втором этаже два балкона давали возможность обозревать всю перспективу Соборной улицы. По фасаду шли лепные "тарелки" и "медальоны". При доме было три флигеля с помещениями для прислуги и каменный большой сарай. Якунчиков, носивший звание коммерции – советника и избранный городским головой, создал резиденцию, достойную его высокого общественного положения. Однако вскоре он перебрался в Петербург, а дом, со временем пообветшавший, в 1870 году продали городским властям и в последствии, после значительных переделок, в нем устроили механо - техническое училище (ныне здесь располагается Индустриальный техникум).

Один из красивых касимовских особняков – дом Скорняковых – овеян ореолом романтических преданий. Рассказывают, будто его подарил кому-то из Скорняковых заводчик Баташев за то, что тот, пользуясь своим служебным положением, помогал покрывать ему некие криминальные дела. Документальных свидетельств об этом нет, да и, разумеется, не могло быть, даже если бы это оказалось правдой. И все-таки история семейства Скорняковых представляется довольно загадочной. Дворяне Скорняковы не занимали высоких должностных постов, не принадлежали к богатой городской элите, однако в церковном строительстве участвовали наравне с самыми солидными торгово-промышленными тузами. Земскому комиссару Ф. С. Скорнякову приписывают возведение каменной церкви Преображения (1740-е годы) в селе Бабино (Булыгино). Его сын К. Ф. Скорняков 1779 года дал деньги на строительство каменной колокольни с курантами при Вознесенском соборе, а в 1781 году вместе с одним из купцов на свои средства поставил колокольню у церкви Рождества Христова. В то время он имел чин всего лишь коллежского секретаря (по 14-классной "Табели о рангах" это соответствует 10 классу, то есть чину поручика в армии). Ясно, что на одно должностное жалование вряд ли можно было позволить себе такие щедрые пожертвования. В этом Скорнякову уступал даже князь Ф. А. Голицын, ставший в 1794 – 1796 годах уездным предводителем касимовского дворянства. У князя, вынужденного в 1790 году в своем селе Дубровка возобновлять сгоревшую церковь, хватило средств только на деревянную. Все эти факты, как и возникший в центре города возле Соборной площади богатый каменный особняк Скорняковых, невольно наводили на мысли о каких-то скрытых, но весьма значительных источниках их доходов. Дом принадлежал Скорняковым недолго, в начале 19 века их уже сменил новый владелец, и потом дом не раз переходил из рук в руки. Утверждали, что когда особняк перестраивали, ломая внутренние перегородки, то обнаружился целый потайной лабиринт: каморки, закутки, лестницы, о существовании которых по внешнему виду фасадов и интерьеров и подозревать, не приходилось. Это вызвало разноречивые толки. Одни подозревали, что Скорняковы ведались с баташевскими фальшивомонетчиками, устроившими у них тайный притон; другие говорили, что здесь скрыто, действовал игровой дом, так пи не обнаруженный полицией; третьи предполагали, что тут собиралась запрещенная религиозная секта или даже масонская ложа и т.д. Но может быть, все гораздо проще, и неожиданно открывавшиеся внутренние пространства и переходы — лишь результат многочисленных переделок, которым подвергался этот дом за свою долгую жизнь...

Что же касается касимовского духовенства, то, по свидетельству Ростислава, в начале 19 века "одна только Успенская церковь считалась по доходу богатою; в прочих церквях духовные лица с голоду не умирали, но не могли роскошествовать". Среди местных пастырей первенствовал протоирей Поликарп – личность незаурядная и на долго запомнившаяся касимовцам. По словам Ростислава, "своим умом, своим общительным и веселым характером, своим живым и увлекательным разговором, а к случаю своим колким, неумолимым сарказмом он, можно сказать, командовал всем касимовским обществом: его и любили, и уважали, и боялись". Не чуждаясь суетных мирских соблазнов, он стремился "пожить весело, слишком редкий день и вечер проходил без того, что бы он или сам не был где-нибудь гостем, или не принимал у себя гостей (...) Любимым местом, где он с 5-6 часов просиживал до полуночи, был дом богатого купца Ивана Осиповича Алянчикова; за тем отец Протоирей не отказывался не от каких семейных праздников; происходили ли они у

священника, дьякона, чиновника, барина, купца, мещанина, даже татарина, если только там было с кем побеседовать и быть на веселе..." В одежде отец Поликарп выказывал большое щегольство и даже не виданную доселе аристократическую изнеженность вкусов. Его роскошные шелковые и бархатные рясы, зимой, подбиваемые лисьим и куньим мехом, приводили в благоговейное изумление касимовских обывателей. А дорогой бобровой шапке позавидовал бы любой купец. Не смотря на то, что собственные доходы Поликарпа были невелики, он умел себя окружить барственным комфортом за счет состоятельной паствы. Не дожидаясь, пока крепкоголовые касимовские торгаши вспомнят о страхе Божиим и расщедятся на пожертвования, Поликарп с дипломатической ловкостью брал инициативу в свои руки, буквально понимая евангельское назидание: Ищите – и обрящете". Едва причалила к берегу, барка купца, вернувшегося с нижегородской ярмарки, как по ее сходням важно поднимался отец Поликарп в полном церковном облачении. Потолковав с хозяином о ярмарочных новостях и поздравив с успешным завершением дела, Поликарп наставительно замечал, что по этому поводу добродетельному христианину следовало бы отслужить благодарственный молебен. И не успевал купец дать ответ, как Поликарп уже торжественным голосом затягивал молитву. Ошарашенному хозяину ничего не оставалось, как смиренно творить крестное знамение, бить поклоны и по окончании церемонии нехотя раскрывать толстый кошель. А Поликарп при этом приговаривал, что его барке выпала особая честь, ведь служил на ней не простой поп (намекая, что скупиться в данном случае не уместно). Многие купцы вымуштрованные таким образом своим духовным пастырем, по возвращении из далеких и торговых поездок сразу же посылали расторопных молодцов с увесистыми "гостинцами" к протоиерею, и тот "уже не находил нужным служить молебен, вероятно, понимая благотворителя в своих святых молитвах". Прохаживаясь по гостиним лавкам, Поликарп без ложного стеснения забирал товары и съестные приправы в долг. И – словно забывал о нем. Когда же не терпеливый торговец сам являлся к нему в дом с напоминанием об уплате, " то он, покачивая своей седою головою, повертывая в левой руке серебряную табакерку и уставив один из своих раскосых глаз на просителя, говорил: "Ишь ты, матушка моя! Должок тебе заплатить. Да у меня денег нет. Где мне их взять? Но я ведь один у вас протопоп в городе, а ты со своим долгишком пристаешь к горлу, как будто с голоду умираешь: ведь, слава Богу, ты состоятельный человек, не разоришься от меня; ступай с Богом, вот тебе мое благословение..."

Все представители окрестного сельского духовенства, приезжая в Касимов, обязаны были явиться к нему с визитом, и, разумеется, несли нехитрые сельские презенты. Если же гость по наивности приходил с пустыми руками, Поликарп принимал его с радушием, усаживал за стол, но, угощая, то и дело сокрушенно вздыхал: "Эка, чай-то весь вышел!" или "Водочки-то только, но авось тебе достанет". И, прощаясь, настойчиво приглашал зайти еще, обещая: "А чайку-то или водочки как-нибудь добуду..." Догадливый посетитель спешил посильными приношениями отблагодарить протоиерея за ласковый прием. У Поликарпа был сын и четыре дочери. Последних он удачно пристроил замуж, при этом хитроватый папаша "приданым едва ли не всех зятьев обманул". Так как Поликарп являлся смотрителем местного духовного училища, родители воспитанников, особенно не отличавшихся успехами, старались его задарить, "и отец протоирей этим пользовался отлично". В 1830 году из далеких южных степей к центру России начала продвигаться эпидемия холеры. Напуганные жители Касимова, не ведая, как спастись от этой грозной напасти, под предводительством Поликарпа пошли крестным ходом с церковными святынями по улицам города, надеясь вымолить у высших сил заступничество. К их ужасу. Сразу же вслед за этим Поликарп скончался, став одной из первых жертв морового поветрия.

Жизнь воспитанников касимовского духовного училища была несладкой. Дети окрестного духовного духовенства, свезенные в город на учение, ютились по несколько человек "на постое" в домах мещан или вдов из духовной среды. Хозяева отводили им углы в кухнях и тесных коморках, и кормили на скудные средства, оставленные родителями, порой, словно щенятам, выставляя одну из всех большую деревянную миску с нехитрой похлебкой. Вечно голодные бурсаки промышляли, как могли: лазали с бреднем по Оке, ночами таскали яблоки из обывательских садов, ловили лаптем раков. Изобретенный бурсаками способ был прост: в старый, изношенный лапоть клали кусочек хлеба и на бечевке спускали эту ловушку в воду под обрывчиком или обросшем кустарником берегом. Как ни странно, но этот способ оказался весьма эффективным. Подростков секли в классах за не выученные уроки, секли квартирные хозяева за малейшие провинности, но жаловаться родным было опасно. Если родитель узнавал, что его чадо в городе чем-то провинилось, то он тоже брался за розги,

причем отеческое "нравоучение" по своей силе превосходило и училищные, и хозяйские трепки вместе взятые. Тем же, кто успешно заканчивал училище, открывался возжеланный путь в рязанскую семинарию.

В народе не даром говорят: "Что ни город – то свой норов". В Касимове в XVIII-XIX веках очень любили изразцовые печи. Даже не слишком богатые обыватели старались не только согреть свои горницы, но и душу нарядной, радующей глаз разноцветной печью. Так, в описи имения, оставшегося после смерти шута Петра I Ивана Балакирева, говорится о "ветхих" помещениях, о скудной обстановке ("стол дубовый гнилой, сундук деревянный ветхий" и т.д.), но все же была у хозяина "одна печь изразцовая". А в небольшом особнячке Якунчиковых возле Благовещенской церкви находилось восемь изразцовых печей. Владельцы домов проявляли так же большую заботу о достойном и внушительном виде ворот своего подворья. Ворота городских усадеб выполняли презентативные функции. Они первыми встречали гостей, впуская их в интимный домашний мир, и по ним судили о хозяевах. Тем более что порой фасады особняков не выходили на улицы, а скрывались в глубине двора (как, например, в усадьбе Кастровых). Каждый старался придать своим воротам особенные, отличные от других черты. Одни оформляли их арками, другие украшали их затейливым декором, используя контраст белого и красного камня, третьи завершали их шарами или подобием лепных вазонов и т.д. А некоторые ворота, наоборот, имеют строго-лаконичный вид, солидный и порой суровый. В Касимове до сих пор в качестве уникальной, редкой для современного города достопримечательности сохранились по улицам и переулкам массивные, на века сделанные воротные столбы. Одни по-прежнему исправно служат хозяевам, другие, вросшие в землю, выщербленные временем, давно лишились воротных створок, но стоят крепко, храня воспоминания об ушедшей жизни... Сам ландшафт города создает неповторимость его облика. Существует шуточное присловье, что Касимов – торт же Рим, только на оборот: Рим стоит на семи холмах, а Касимов - на семи оврагах. А еще склонные к юмору местные жители, характеризуя особенности культурно-бытового колорита своего городка, в XIX веке называли центральную его часть Европой, стоящую на песках – Африкой, а восточную, населенную татарами – Азией.

* * *

С Касимовым связано не мало известных имен. Здесь побывал Петр I, по улочкам Касимова некогда ходил В.А. Жуковский, сопровождающий цесаревича Александра Николаевича в путешествии по России. М.А. Достоевский, отец знаменитого писателя, во время войны 1812 года служил в располагавшемся здесь военном госпитале, а за старательное отношение к своим обязанностям получил похвальный аттестат от местного начальства. В Касимове до сих пор показывают дом, где жил тогда Достоевский. В 1845 году город посетил историк М.П. Погодин, приехавший сюда специально, что бы увидеться с И.С. Гагиным. Погодин вспоминал: "Перед заставою в нетерпенье я спросил первого встречного, не знает ли он Ивана Сергеевича Гагина? – Кто ж его не знает, - отвечал прохожий". Но выяснилось, что Гагин недавно скончался и Погодину пришлось довольствоваться рассказами его вдовы. Писатель А.И. Куприн гордился тем, что по линии матери происходил от князя Кулунчака, который в XV веке вместе с Касимом пришел на Русь. Долгое время потомки Кулунчака проживали в Касимове. Куприн не однократно посещал Касимовский уезд, родину своих прородичей. Муж его сестры С. Г. Нат управлял Куршинским казенным лесничеством, а за одно наблюдал за касимовскими лесами, принадлежавшими братьям Хлудовым. Мещерские впечатления писателя нашли отражение в его рассказах "Мелюзга", "Болото", "Попрыгунья стрекоза", "Ночь в лесу", "Черные молнии", "Фердинанд".

Касимовскими дворянами были представители рода Олениных, оставившего знаменитый след в истории русской культуры. Их основные имения находились в селениях Свинчус и Салаур. А.А. Оленина писала о своем дедушке, полковнике Н.Я. Оленине: "Жил он больше в деревне, в Рязанской губернии, в селе Салауре, живописно расположенном при трех огромных озерах, и очень любил свое уединение". Дважды в конце 18 и начале 19 века он избирался уездным предводителем касимовского дворянства. Его сын Алексей Николаевич в одиннадцатилетнем возрасте был отправлен в Петербург и отдан в Пажеский корпус. Со временем А.Н. Оленин станет президентом Академии художеств, а свечки вечера в его петербургском доме (так называемый "Олененский кружок") получают славу самого

известного столичного художественного салона. А.С. Пушкин, частый гость Оленина, был влюблен в его дочь Анну и оставил цикл прекрасных стихотворений, посвященных умной и обаятельной девушке, к которой он безуспешно пытался свататься. Под конец жизни Анна приедет погостить в касимовскую глубинку, рассказывая в своих воспоминаниях:

"Несколько лет назад я в первый раз посетила гнездо наших предков, от которых остались лишь одни предания о доброте дедушки и более чем оригинальности бабушки". Супруга Н.Я. Оленина Анна Семеновна, урожденная княжна Волконская, чтобы выбить из сына Алексея, страстно мечтавшего стать военным, эту опасную блажь, заставляла его "по несколько часов стоять на карауле, да еще по колено в снегу". При себе она держала калмычку Баяусту, которую окрестила и "брала с собою в церковь для того, чтобы класть земные поклоны вместо себя". Баяуста обязана была креститься "тем святым, которые не из дворян", и коленопреклонение перед которыми, по понятиям Анны Семеновны, унижало ее дворянское достоинство. Известный художник О.А. Кипренский оставил портрет Баяусты, миловидной молоденькой девушки.

Внуки А.Н. Оленина Алексей, Сергей, Николай и Евгений Петровичи предпочли прочно обосноваться в касимовских местах, прикупая к салаурскому имению поместья в соседних селах и деревеньках. А.П. Оленин, участник кавказских войн, по семейному преданию, был знаком с Л.Н. Толстым и послужил прототипом Оленина в повести Толстого "Казачьи". В 1862 году он купил село Истомино вскоре поселился там со своей семьей. В 1881 году А.П. Оленин, назначенный директором Строгановского художественно-промышленного училища, уехал в Москву, но все-таки последние годы жизни он провел на касимовской земле в Салауре. Его супруга В.А. Оленина была дочерью А.П. Бакунина, лицейского приятеля А.С. Пушкина. Оленинская усадьба Истомино стала колыбелью созвездия музыкальных талантов, с детства напитавшихся поэзии, народных песен и сказаний и сохранивших к ним любовь на всю жизнь. Здесь выросла певица Оленина – д' Альгейм, пользовавшаяся большой популярностью на рубеже 19-20 веков. Ее брат композитор А.А. Оленин, служивший в касимовском земстве, сочинил оперу "Кудияр" по мотивам народных легенд о знаменитом разбойнике. После революции А.А. Оленин организовал в Касимове художественную студию, которая давала концерты, знакомя горожан и с народным музыкальным искусством и с классической оперой. В это время его брат П.А. Оленин – Волгарь руководил народным театром в Касимове, являясь одновременно и режиссером – постановщиком и актером, и автором пьес. В Истомино провел свое детство и П.С. Оленин, их двоюродный брат ставший в последствии оперным певцом. Он с успехом выступал в спектаклях московских частных опер С.И. Мамонтова и С.И. Зимина, позже руководил оперными труппами Большого театра Москвы и Мариинского театра Петербурга.

От некогда богатой, многолюдной взрастившей столько дарований истоминской усадьбы почти ни чего не осталось, сейчас здесь – поселок газовщиков Крутоярский, с современными добротными домами, деловыми интересами. Тонкий аромат ушедшей поэзии этих мест сохранился только в преданиях да на страницах книг.

* * *

В 1921 году в Касимове по инициативе А.А. Мансурова, И.А. Китайцева и других был организован краеведческий музей. Коллекции музея рассказывают об особенностях русской татарской бытовой культуры прошлых веков, о талантах умельцев (порой безвестных), живших в касимовской глубинке. Мы не знаем, кто создал выразительную деревенскую скульптуру монаха с книгой, некогда украшавшую сад Барковых. Но вот необычные кресла в "народном стиле", попавшие в музей из имения Голицыных, имеют автора – это мастер Шутов. Сделана эта мебель с большой выдумкой. Спинка кресла представляет собой резную лошадиную дугу, вместо подлокотников – два топора, воткнутые по бокам в сиденье. На сиденье брошены рукавицы – "голицы". Может быть, эта деталь использована не без умысла и служит зашифрованным символом фамилии владельцев поместья. "В княжеском роде Голицыных существовало предание, что свою фамилию они получили от далекого предка Михаила Булгакова прозванного "Голица" за то, что по какой-то причине он постоянно носил перчатку и рукавицу". По спинке – дуге идет надпись: "Тише едешь – дальше будешь". Хорошее предупреждение тому, кто опускается в такое кресло, будучи не в силах справиться с захлестнувшими его эмоциями или желая обдумать важное дело... И все же как должно быть странно смотрелись эти кресла с атрибутами мужицкого деревенского быта в

разубранных интерьерах дворянского особняка, напоминая гордившемся своей родовитостью хозяевам о нуждах и чаяниях простого человека.

Интересны касимовские культовые деревянные изображения. Вообще разные скульптуры святых и иконы не поощрялись церковью, видевший в них (и не без основания) сходство с языческими идолами. Время от времени по распоряжению властей подобные святыни изымались из храмов и отправлялись в специальное синодальное хранилище. Но в лесной провинциальной глубинке, особенно там, где процветали деревообрабатывающие промыслы, они были весьма распространенными и почитаемыми. Например, по старинным документам известно, что в главном Вознесенском соборе Касимова, в XVIII веке находился "на горнем месте образ Господа Саваофа резной", так же "образ запрестольный Толгской Богоматери, врезан в доску", а "на правом клиросе образ Скорбящей Богоматери, врезан в доску". В существовавшем некогда женском Казанском монастыре одной из главных святынь был "образ Казанской Богородицы, врезан в большую доску" и т.д. Причем не редко резчики – умельцы из простонародья довольно своеобразно толковали традиционные сюжеты. Так, в музейной коллекции хранится Распятие, где черты лица Христа и предстоящих весьма далеки от канонических, зато очень напоминают особенности облика местных инородцев. Может быть, сам мастер вышел из среды этих малых народностей и в наивной простоте воссоздавал лики евангельских героев по образу и подобию своих сородичей... Любопытная деревянная скульптура Николая – чудотворца с суровым лицом и широким мужским носом. Народная Русь хранила немало апокрифических легенд о "святом Миколе". Согласно одной из них он сам был родом "из смердовичей", потому и стоял за простой народ, ходатайствуя за него перед Богом. Исследователи полагают, что основой этой легенды стало слияние в народном сознании образа святителя Николая с былинным Микулой Селяниновичем. В XIX веке в Рязанской губернии был записан народный сказ о том, как святой Микола, не гнушаясь тяжелым крестьянским трудом, помог мужичку вытащить увязший в грязи воз, выпачкав при этом свою рубаху, и не постыдился в таком виде предстать перед Богом. Может быть, аналогичными представлениями руководствовался и создатель скульптурного образа. Характерно, что вместо традиционных крестов на одеянии касимовского Николая – стилизованные изображения цветка, подобные тем, которыми крестьяне украшали резные наличники избы, знаменуя свою извечную связь с "матушкой – землей". Угодник Николай считался "путеводителем", покровителем всех странствующих и плывущих по водам. По этому в Касимове, где бытовая и торгово-промышленная жизнь во многом зависела от функционирования водного пути по Оке и Волге, культ Николая – угодника был распространенным. Способствовал этому и существовавший в Касимове мужской монастырь, находившейся недалеко от реки на крутом берегу. В XVII смутное столетие монастырь пришел в запустение, а на его месте в 1705 году построили каменную Никольскую церковь, которая действует и поныне.

Живописные полотна, собранные в музее, хотя и не поражают посетителя неожиданной встречей с широко известными, громкими именами, но дают представление об особенностях местной культурно – исторической жизни. В конце XVIII века среди касимовского купечества не последнее место занимала фамилия Грибковых. Они торговали хлебом, медом, хмелем, держали постоялый двор. Война 1812 года разорила их семейство, перешедшее в мещанское сословие. Сергей Иванович Грибков (1820-1893) с юности увлекся живописью и стал брать уроки и местного художника Кириллова. Начинающему живописцу покровительствовали Барковы, которые приобрели его картины для своей коллекции. По предложению искусствоведов, поворотным моментом в его судьбе (Грибкова) стал приезд в Касимов известного мецената С.Г. Строгонова. Кто-то (возможно, те же Барковы) обратил внимание Строгонова на даровитого юношу. И Грибков получил возможность продолжить образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Оставшись потом в Москве, он открыл художественную мастерскую, которая выполняла в основном церковные заказы. Но не забывал Грибков и своей родины. В 1850-х годах он расписывал часовню фамильного склепа Барковых. Полагают, что он участвовал так же в росписи Вознесенского собора в Касимове. В основном известны жанровые картины Грибкова, находящиеся в разных музеях нашей страны, в том числе и в Третьяковской галерее: "Девушка у колодца", "Кутеж приказчиков", "Бабушкин сундук", "Проводы рекрута" и т.д. Но в 1882 году на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве экспонировалось его полотно на историческую тему "Свидание Марины Мнишек с отцом". Ему принадлежат так же картины "Семейство Годуновых" и "Ксения Годунова". Содержание его полотен отражает и его литературные вкусы. Название картины

"Душенька", хранящейся в Касимовском музее, относится к одноименной и весьма популярной в конце XVIII – начале XIX века поэме И.Ф. Богдановича. Но если Богданович изящно, хотя и иронично интерпретирует античный миф об Амуре и Психее, то героиня Грибкова – скромная провинциальная девушка с незамысловатой прической и в простом кисейном платье. Скорее всего, она напоминает молоденькую мещаночку, симпатичную своей юной непосредственностью. Эта картина ближе по духу к традициям сентиментализма. Тяготение же Грибкова к "натуральной школе" выразилось в появлении картин на сюжеты Н.В. Гоголя: "Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем", "Обед Хлестакова". Памятуя, как трудно провинциальным талантам выбраться в люди, Грибков оказывал всяческую помощь приезжавшим в Москву начинающим художникам. Заботливо он относился и к мальчикам – ученикам, поступавшим в его мастерскую. В.А. Гиляровский вспоминал: "В учениках у него всегда было не меньше шести мальчиков (...) Немало вышло из учеников С.И. Грибкова хороших художников. Время от времени он развлекал, устраивая по праздникам вечеринки, где водка и пиво не допускалась, а только чай, орехи и танцы под гитару и гармонию. Он сам на таких пирушках до поздней ночи сидел в кресле и радовался, как гуляет молодежь". Он дружил с А.К. Саврасовым, В.В. Пикуревым. И хотя сам Грибков не отличался первоклассным дарованием, зато в среде художников был известен широкой душевной щедростью и готовностью всегда прийти на помощь в трудную минуту. Гиляровский писал: "Всем помогал Грибков, а когда умер, пришлось хоронить его товарищам: в доме не оказалось ни гроша".

Многие экспонаты в музее еще нуждаются в серьезном, квалифицированном исследовании и, возможно, в будущем откроют немало интересных историй. Это - и работы крепостных художников, и изящная копия (предположительно с картины К. Брюллова "Итальянское утро"), некогда принадлежавшая семье Олениных, и редкий портрет А.В. Суворова, попавший в касимовскую глубинку и т.д.

В музее можно увидеть изделия местного ткачества, вышивки, гончарных промыслов и чугунного литья, а также – поддужные колокольчики, которые производились в касимовской округе и когда-то славились не менее валдайских. Касимовский уезд занимал четвертое место в России по изготовлению этой ямщицкой утети. На одних колокольчиках запечатлены имена отливших их мастеров, на других надписи – присказки, вроде такой: "Купи, – не скупись, ездят – веселись". Колокольное дело в Касимове развивалось не случайно. Город издревле гордился своей Ямской слободой, обитатели которой исправно несли государственную службу. Через Касимов пролегал тракт, по которому гнали из южных степей табуны коней на продажу в Москву и другие города. Этим и пользовались местные жители, подбирая себе сильных, "уносистых", не знавших усталости коней. Царь Иван Грозный так дорожил касимовскими ямщиками, что даровал их слободе самоуправление и собственный суд, освободил жителей от обычных даней и податей с наказом: "... Им в Касимове городе на посаде и на яму подводы держати по трое лошадей с выти, на мое цареву и великого князя разное дело и на земское..." Присланная в Касимов царская грамота, бережно передаваемая из поколения в поколение, хранилась у старост Ямской слободы вплоть до XIX века. А какая же езда без звонкого колокольчика, разгоняющего дорожную грусть? Вот и принялись они отливать предприимчивые касимовцы...

В XVII-XIX веках "душой" провинциального мещанско-купеческого быта стал самовар. Он по целым дням не сходил со стола. Утро начиналось с чаепития; восстав от полуденного сна, хозяева душистым чаем возвращали себя в состояние делового бодрствования; неспешными беседами у самовара скрашивались долгие осенние и зимние вечера; чаем почивали гостей. Чаепитие стало неким провинциальным священнодействием со своими непреложными правилами. Чай всегда разливала сама хозяйка, помещаясь на почетном месте у самовара. Дворяне обычно пили чай "внакладку", то есть клали кусочки сахара на чашку; купцы же и мещане находили, что куда вкуснее чаевничать "вприкуску", а чаще предпочитали пить с медом. По этому поведению человека за чаепитием можно было угадать его социальное происхождение. За самоваром не пристойно считалось ссориться, браниться и вообще выказывать дурное расположение духа; здесь царили семейный мир и лад. Недаром существовала пословица: "Пьется чай – чудиться рай". И не случайно в касимовских купеческих описаниях такое большое место занимает перечисление чайных принадлежностей. Так, например, среди скудных достатков разорившегося в конце XVIII века купца С.И. Кислова, имевшего дешевое "одеяло крашенное", "занавес бумажный старый ветхой", "зеркало разбитое ветхое" и т.д., переписчики обнаружили "чашек чайных разных сортов полторы дюжины", два чайника и хрустальные стаканы. В музее собрана

большая коллекция самоваров разнообразных видов и форм, характеризующая жизнь различных социальных слоев города: это и простые, неказистые водогреи, служащие небогатым мещанам; и изысканные "кратеры", напоминающие древнегреческие сосуды и украшавшие застолья богатых, претендующих на светский вкус горожан; и затейливо украшенные "вазоны", особо любимые купечеством; и экзотические шарообразные самовары, почему-то получившие в народе название "персидских". Форма и декор самовара в многом зависели от очередного ваяния моды точно так же, как фасоны одежды. По этому по самоварам можно "читать" летопись сменяющих друг друга культурно-исторических формаций.

В середине XIX века под Касимовым в деревне Поповка стали делать гармоники, прозванные в народе "касимовками" или "поповками". От традиционной русской гармоники "касимовка" отличалась более широким звуковым диапазоном, а верхней ее части крепились два колокольчика, сопровождавшие игру мелодичным перезвоном. Лучшим по изготовлению этих гармоник считался мастер Я.В. Соловьев. Музейные гармоники не просто экспонаты, но и великолепные образцы, по которым учатся современные умельцы.

Музей стал хранилищем старинных книг, собранных в касимовском крае. В основном – это рукописные и старопечатные сборники XVII – XVIII веков, на полях которых встречаются порой пометы и записи их новых владельцев. Вообще книга в повседневный касимовский быт входит довольно поздно, лишь к середине XIX века. Но и здесь находились люди, увлеченные собиранием книжной мудрости. Наравне с традиционными "Прологами", "Часовниками" и т.д. в музее есть и любопытные экземпляры. Одна из рукописей поморского письма содержит перевод "Почуений Дионисия Ареопагита", сделанный известным публицистом XVI века Максимом Греком. Приехав на Русь по приглашению великого Московского князя Василия III для исправлений переводов церковных книг, Максим Грек активно включился в идеологическую борьбу того времени. Он поддерживал "нестяжателей", выступавших против монастырского землевладения и стремления церкви к обогащению, резко критиковал алчное корыстолюбие и произвол свецких и церковных властей, за что и угодил в темницу на 20 лет. Интерес к его сочинениям в Поморье, где в последствии распространились и получили большую авторитетность старообрядческие учения, не случаен. Старообрядцы, оказавшиеся в конфликте с государством и церковью, в сочинениях Максима Грека искали духовной опоры. Есть в музейной коллекции и списки "Соловецкой челобитной" и "Керженецких ответов". Соловецкий монастырь в XVII веке восстал против реформ патриарха Никона, оказавшись одним из мощных оплотов старообрядческого движения. В течение семи лет он стойко выдерживал осады правительственных войск, получая массовую поддержку окрестного населения и стекавшихся со всех концов Руси доброхотов. Время от времени из монастыря отправлялись в Москву послания, в которых царя пытались убедить в несправедности его политики. В 1676 году соловецкий мятеж был подавлен с чрезвычайной жестокостью: из 500 защитников монастыря в живых оставили лишь 60, да и тех после допросов ожидала казнь или заточение. В это время в керженских и чернораменских лесах Нижегородского края стали возникать тайные раскольничьи скиты. В одном из них, основанном иноком Арсением в урочище Шарпан, каким-то образом оказалась соловецкая икона Казанской Божьей матери. Скитники уверяли, что она чудесной силой была перенесена по воздуху из обреченного монастыря. Наиболее известный женский скит – Оленевский – Анфиса Колычева, родственница митрополита Филиппа, с которым некогда расправился Иван Грозный. К 1826 году в нижегородских дебрях существовало 28 скитов, в которых "спасалось" около 3 тысяч человек. Власти, борясь с Керженским расколом, то устраивали погромы скитов, то посылали чиновников для убеждения воссоединиться с официальной церковью. У керженцев же единственным оружием были полемические писания. Так как Нижний Новгород связывался с Касимовым водным сообщением и тесными торговыми и деловыми контактами, то есть сюда проникали скитские сочинения. Об интересе касимовцев к произведениям народного толка свидетельствует так же старообрядческий "лицевой" сборник XIX века и "Беседы" некоего Надеждина 1888 года. Такое разнообразие раскольничьей литературы не случайно. Купеческая среда была особенно восприимчива к старообрядчеству и являлась его основной материальной поддержкой. Нередко крупные воротила, официально причисленные к каноническому православию, тайком посылали в дальние скиты щедрые пожертвования и благоговейно слушали беседы расхожих раскольничьих "пророков". Из книжных редкостей следует

отметить так же певческую рукопись "Осмогласник" с нотами, записанными "крюками", и ярко, празднично разукрашенными картинками и заставками.

Квалифицированно систематизировать все экспонаты, собранные музеем за 80 лет его существования, во многом мешало то, что кочевал по разным помещениям, порой вовсе не приспособленным для музейного дела. Долгое время он помещался в мечети на Татарской горе. Теперь же ему предстоит осваивать просторное помещение дама Алянчиковых. И может быть скоро он не только приезжих гостей, но и самих касимовцев удивит неожиданным богатством и многообразием своих ценностей, по неволе скрывавшихся в запасниках.

* * *

Быстро катит свои волны мимо города своенравная Ока: из нее пили степные, косматые кони царевича Касима, по ней следовали струги Петра I в Азовский и Персидские походы, на ее просторах деловито переключались гудками первые суда касимовского пароходства, основанного в конце XIX века Скачковым... Неудержимо течет река времен, унося память о былых днях, событиях, судьбах... Много раз менялся облик Касимова, отражавшийся на речной глади. Одним из первых западных путешественников упомянул про Касимов – город С. Герберштейн, посетивший Русь в начале XVI века. Но европейцев в основном привлекала необычная экзотика переплетения русской и татарской культур. Герберштейн писал о касимовских татарах: "Их женщины с известным искусством окрашивают для красоты ногти в черный цвет, и все время ходят с открытой головой и распущенными волосами". Хотя мусульманки, принадлежавшие к высшим феодальным слоям, и на Востоке иногда позволяли себе при посторонних открывать лицо, но в данном случае имеется общая традиция поведения, возникшая под влиянием тесного соседства с русским. Член австрийского посольства А. Мейерберг, приехавший в конце XVII века, иронизировал по поводу того, что в непредсказуемом русском государстве татарский властитель захолустного Касимова именуется тем же громким титулом царя, что и правитель всей страны: "Льстецы, пожалуй, выдумают и его звать императором". Особыми архитектурными достоинствами в этот период Касимов похвалиться не мог. Голландец Корнелей де Бруин, увидевший город в 1704 году после одного из крупных пожаров, истребивших крепостные укрепления, писал: "Он не обнесен стеною, хотя довольно велик, и все дома в нем деревянные, точно так же, как находящиеся в нем четыре церкви. Есть в нем и башня при мечети турецкой или татар, которые проживают в городе". Главная площадь показалась ему "очень плоха". Стоящую на отшибе каменную церковь Богоявления он, видимо, просто не заметил. Рисовальщик Унферцарх, ехавший в свите Л.В. Нарышкина, направлявшегося послом в Китай, в 1719 году посетил уже отстроенный после пожара Касимов, но так же вынес самое безотрадное впечатление: "Теперь нечего смотреть в городе, кроме одной татарской башни; самый город лежит в запустении, и крепость – просто деревянная". Член Императорской Академии наук П.С. Паллас, оказавшись в Касимове в 1768 году, сообщал, что это – "худо застроенный город", весь почти деревянный, но зато здесь "много водится стерлядей в Оке". Он стал свидетелем того, как разрушали обветшавший ханский дворец и его "большие, многими готскими фигурами и арабскими надписями украшенные ворота". Использование богатого декора в виде "готских фигур", нетрадиционного для татарской культуры и появившегося во времена царевича Сеид – Бургана (Василия Арслановича), возможно, свидетельствовало о влиянии вкусов московского двора, тяготевшего к нарядному стилю барокко.

Цесаревич Александр Николаевич в 1837 году заметил, что со стороны Муромы "Касимов – деревня, из-за реки – губернский город". Только прибрежный центр выглядел достойно; глубинные же и окраинные улочки с деревянными домиками, осевшими заборами и зарослями лопухов и крапивы выказывали всю безыскусную простоту захолустного быта. Зато офицер Генерального штаба М. Баранович, составлявший в 1860 году статистическое описание Рязанской губернии, заявил: "По наружному виду, многочисленности, красоте и богатству зданий и по развитию торговли и промышленности Касимов принадлежит к лучшим городам губернии. Выгодное положение на судоходной реке, многочисленные заводы и, наконец, татарское население, придающее особый, оригинальный характер городу, делают его замечательным даже в государстве". Баранович отметил, что здесь немало "прекрасных домов, которые были бы заметны даже в столицах". Это время расцвета Касимова. Но в конце XIX века вместе с социально – экономическим кризисом, охватившим всю Россию, затухает и энергия касимовской жизнедеятельности. С.Н.

Терпигорев (С. Атава) в очерке "Лакейская столица" писал о Касимове: "С парохода он кажется очень красивым и чистым городком. Над страшной кручею, на самом берегу Оки, ряд хорошеньких домиков; много зелени; желтые, обрывистые берега, пароходы и пристани, барки, суда, лодки – все это очень пестро, живо и красиво". Однако при ближайшем знакомстве город его разочаровал. Грязные улицы и гостиницы, обветшавшие здания, запущенное состояние находящихся в совершенном небрежении исторических памятников, сонные обыватели с их убогими интересами, - все это наводило на писателя тоску. Крайности социальной поляризации, сосредоточение всех богатств и благ в руках небольшого элитарного слоя и разливающаяся по все России нищета, заставляли людей покидать родные места в поисках какого-нибудь заработка. Касимовские татары нанимались в крупные города в дворники, извозчики, а чаще всего становились ресторанной или пароходной прислугой, банщиками и т.д. Потому и закрепилась за городом слава "лакейской столицы".

После отшумевших революционных бурь Касимов вновь начал свой подъем. Новое развитие получили старинные промышленные традиции. Так, на основе кожевенного производства Баранаевых, известного с конца XVIII века, возникла современная овчинно-меховая фабрика, продукция которой пользуется успехом не только в Рязанской области, но и за ее пределами. И все же главная ценность в очаровании Касимова состоит в том, что несмотря на все перемены новейшего периода он не утратил своего исконного, самобытного облика, своей "души". Туристы, приехавшие в этот город, попадают в удивительный мир, где прошлое живет в настоящем, где причудливо переплетаются черты разных эпох и культур: и беспорядочные постройки подворий на окраинах, как это было в старозаветные допетровские времена, с узкими проулками, оградами по склону холмов, шаткими бревенчатыми мостиками через овраги, по дну которых журчат ручьи; и помпезная "регулярная" планировка конца XVIII – начала XIX века; традиции барокко, ампира, классицизма, закругленные "гагинские" ротонды; массивные столбы ворот с русскими и татарскими орнаментами; метровой толщины проемы купеческих подклетов, колонны "дворянских гнезд"... А как фантастично смотрится в зимние вечера, в призрачном лунном цвете, окруженный сугробами и заиндевелыми деревьями восточный минарет, стершиеся ступеньки которого уводят в XV век... Влюбленный в неброскую прелесть городских касимовских пейзажей поэт Е. Маркин говорил:

Сочинить бы песню о Касимове!
Городок на свете есть такой,
Где ночами светятся, как символы,
Белая береза над Окой.
Прямо в центре – цорковки забавные
Да с резными ставнями дома.
Как вон та старушка на завалинке,
Дремлет здесь история сама...

И хочется пожелать Касимову, что б он сумел сберечь свою уникальную историческую красоту, не обезличился, не потерял своей неповторимой привлекательности под напором агрессивно – коммерческой бездуховности. И природа, и история дали ему все, что бы стать одной из редких жемчужин в "золотом кольце" туристических маршрутов.